

УДК 321+323.1

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_4_46

СОВЕТСКОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ И СИМВОЛИЧЕСКИЙ РЕСУРС ПОСТСОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Дмитрий Владимирович Березняков,

Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия,
bereznyakov@ngs.ru

Сергей Васильевич Козлов,

Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия,
feld71@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.07.2021, принята к публикации 17.11.2021

Для цитирования: Березняков Д.В., Козлов С.В. Советское наследие как институциональный и символический ресурс постсоветского государственного строительства // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. № 4. С. 46–58. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_46

Аннотация

Процесс национально-государственного строительства на постсоветском пространстве стартовал и реализуется в рамочных условиях институционального

© Березняков Д.В., Козлов С.В., 2021

и символического наследия советского модернизационного проекта. В этой связи цель настоящей статьи состоит в том, чтобы, опираясь на теоретические ресурсы исторической макросоциологии и исследований национализма, обозначить статус советского наследия в процессе конструирования постсоветских национальных идентичностей. Авторы делают акцент на концептуализации определяющего воздействия результатов советской политики позитивной дискриминации на возникновение и логику поведения элитных групп в процессе реализации постсоветских проектов национализующегося государства. Подчеркивается, что дезорганизация инфраструктуры Советского Союза сформировала условия для реализации экстрактивной стратегии, воплотившейся в изъятии и превращении ресурсов распавшегося государства в разнообразные активы формирующихся постсоветских элит. Теоретическая оптика «обратной перспективы Тилли» (термин болгарского ученого и политика В. Ганева) позволяет говорить о том, что в итоге такое поведение элит самым радикальным образом ослабило институт государства, определив институциональный контекст различных вариантов национально-государственного строительства на постсоветском пространстве. В свою очередь, логика позитивной дискриминации, которая характеризовала советский формат национально-государственного строительства, опиравшийся на принцип институционального изоморфизма, привела к складыванию разнообразной протогосударственной инфраструктуры национальных республик. Авторы статьи приходят к выводу, что на основе присвоения этой инфраструктуры в значительной степени и формировались новые постсоветские политии. В таких условиях распад надэтнической советской макрополитической идентичности сочетался с процессами активной эмансипации тех стратегий символической политики, которые непосредственно опирались на ресурсную базу, возникшую по результатам советской национальной политики и, более широко, советского модернизационного проекта в целом.

Ключевые слова:

национализующееся государство, советское модерное государство, позитивная дискриминация, институциональный изоморфизм, «обратная перспектива Тилли».

UDC 321+323.1

DOI 10.17506/18179568_2021_18_4_46

THE SOVIET LEGACY AS INSTITUTIONAL AND SYMBOLIC RESOURCE FOR POST-SOVIET STATE-BUILDING

Dmitry V. Bereznyakov,

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia,
bereznyakov@ngs.ru

Sergey V. Kozlov,

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia,
e-mail: feld71@mail.ru

Article received on July 19, 2021, accepted on November 17, 2021

For citation: Bereznyakov, D.V., Kozlov, S.V. (2021). The Soviet Legacy as Institutional and Symbolic Resource for Post-Soviet State-Building. *Discourse-P*, 18(4), 46–58. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_46

Abstract

National state construction in the post-Soviet space was launched and is being implemented within the framework of institutional and symbolic legacy of the Soviet modernization project. Relying on theoretical resources of historical macrosociology and nationalism studies the article seeks to delineate the role of the Soviet legacy in the construction of post-Soviet national identities. It puts particular emphasis on conceptualizing a defining influence of the Soviet policy of positive discrimination and its outcomes on the emergence and behavioral patterns of elite groups in the course of implementation of post-Soviet projects of a nationalizing state. The article argues that disorganization of the Soviet infrastructure created conditions for implementation of the extraction strategy that resulted in seizing resources of the disintegrated state and turning them into various assets of the emerging post-Soviet elites. Theoretical optics of the “reversed Tillyan perspective”, the term introduced by the Bulgarian scientist and politician Venelin Ganev, makes it possible to claim that such elite behavior weakened the institution of the state dramatically and defined the institutional context of various patterns of nation-state building in the post-Soviet space. The logic of positive discrimination, inherent to the Soviet format of nation-state building based on the principle of institutional isomorphism, led in its turn to the emergence of the diverse proto-state infrastructure of the national republics. It is concluded that, to a large extent, new post-Soviet polities were being formed

as a result of appropriating that infrastructure. In these conditions, the disintegration of the supra-ethnic Soviet macro-political identity was accompanied by active emancipation of those symbolic policy strategies that were directly based on the resource pool that had emerged as a result of the Soviet national policy and more broadly, of the Soviet modernization project overall.

Keywords:

nationalizing state, Soviet modern state, affirmative action, institutional isomorphism, “reversed Tillyan perspective”.

«Прошлое плюс «пост» – вот основной рецепт, который мы в своей многословной и озадаченной непонятливости противопоставляем действительности, распадающейся на наших глазах» (Бек, 2000, с. 9).

Введение

Одной из определяющих характеристик политической динамики на пространстве бывшего СССР как в институциональном, так и в символическом плане является разновекторность тех траекторий¹ развития, которые постепенно по прошествии уже практически трех десятилетий приобрели устойчивый режимный характер. Именно такая устойчивость институционального дизайна и форматов символической политики, которая, конечно же, возникла отнюдь не сразу и имеет свою внутреннюю динамику, позволяет проводить обобщающие сравнительно-политологические исследования и прогнозировать среднесрочные перспективы тех или иных постсоветских режимов (см., например, Рогов К., 2021; Дерлугьян, 2010; Hale, 2015 и др.). Иными словами, «одна ликвидация на всех с различными последствиями для каждого» (Фурман, 2010, с. 53) привела к тому, что последствия распада советского государства институционализировались и на уровне политической культуры воплотились в (пока) стабильно воспроизводящихся нарративах и ритуалах, которые легитимируют сложившийся *status quo* уже собственно постсоветских политий.

Вместе с тем очевидно, что это многообразие имеет одно базовое исходное условие, а именно распад советской государственности и дезорганизацию сконструированной за годы ее существования советской надэтнической идентичности. Именно эти два фактора – институциональный коллапс советской современной государственности и утрата надэтнической идентичности – определили базовый набор тех проблем, с которыми столкнулись бывшие советские республики

¹ В данном контексте, с нашей точки зрения, следует говорить именно о траекториях, а не о сценариях, поскольку никаких целостных и согласованных проектов и курсов национально-государственного строительства у неожиданно (в первую очередь для них самих) возникших постсоветских государств не существовало. Поэтому аналитически корректно можно реконструировать именно траектории, фиксирующие динамику развития тактического поведения различных групп акторов в условиях распада институционального порядка СССР.

в начале 1990-х гг., встав на путь собственного национально-государственного развития.

При этом данная ситуация, с определенной точки зрения, может рассматриваться как реализовавшаяся в живой исторической конкретике альтернатива классическому (а точнее, западноевропейскому) варианту государственного строительства эпохи Модерна как в аспекте логики поведения элит, так и в плане конструирования национальной идентичности.

Постсоветские элиты и «государственное строительство наоборот»

Рассматривая поведение позднесоветских и новообразовавшихся постсоветских элитных групп, следует подчеркнуть тот принципиальный факт, что их действия в первую очередь определялись изъятием и присвоением институциональных, экономических и культурных ресурсов советского наследия государственности. В этой связи имеет смысл обратить внимание на модель объяснения динамики посткоммунистических государств, которую в свое время предложил болгарский политолог В. Ганев. Отталкиваясь от военно-налоговой концепции государственного строительства, разработанной Ч. Тилли применительно к европейским государствам Модерна и ставящей во главу угла концентрацию элитами ресурсов в формируемом государстве, В. Ганев переворачивает логику данного процесса, называя этот методологический ход мысли «обратной перспективой Тилли» (a reversed Tillyan perspective). Как пишет сам исследователь, «с точки зрения Тилли, элиты создают сеть институций для того, чтобы концентрировать ресурсы в казне, и вынуждены договариваться об условиях своих грабительских проектов с мобилизованными социальными группами. В результате этой деятельности возникают устойчивые государственные структуры. В посткоммунизме элиты выхолощивают существующие государственные структуры с целью извлечения ресурсов из государства; им не приходится считаться с социальными контрагентами и опасаться применения правил и условий, налагающих номинальные ограничения на их проекты. Результатом становится упадок государственных структур» (Ganev, 2005, p. 452).

Иными словами, можно сказать, что доминирующим проектом постсоветских элит стало изъятие ресурсов из государства (*extraction from the state*), а не их концентрация в формирующейся территориальной монополии легитимного насилия². Такое «государственное строительство наоборот» в конечном счете привело к формированию политических режимов, важнейшей особенностью которых стало отсутствие автономии и критически слабая дееспособность самого института государства. Элиты присваивали разнообразные ресурсы, но не были заинтересованы в наличии государства как метаинститута, обладающего высокоинституционализированной инфраструктурной властью, т. е. «способностью... проникать в гражданское общество и обеспечивать выполнение политических решений на всей своей территории» (Манн, 2018, с. 8). Такая ситуация, с одной стороны, создавала уникальные возможности обогащения и конвертации при-

² Обзор политологических работ о применимости концепции Ч. Тилли к постсоветскому пространству с акцентом на военной компоненте см. Силаев, Болгова, 2019.

своенных ресурсов в новообретаемые статусные позиции (в первую очередь для самой советской номенклатуры), с другой – делала крайне неустойчивыми формирующиеся коалиции элитных групп, запустив механизм перманентных политических кризисов.

Политика позитивной дискриминации, институциональный изоморфизм и двухуровневая идентичность

Очевидно, что курс на формирование национальной идентичности на постсоветском пространстве реализуется в тех институциональных и культурных контекстах, которые были сформированы в рамках наследия советского Модерна³. Здесь мы также можем видеть отчетливую специфику, которая является результатом исторически вариативного сценария реализации советского проекта модерной государственности в унаследованных большевиками имперских условиях. Следуя подходу, предложенному Т. Мартином (2011), представляется возможным определить эту специфику как *политику «позитивной дискриминации»*⁴, долгосрочные результаты реализации которой в конечном счете сформировали те ресурсы и институты, которые и были унаследованы национализирующимися постсоветскими государствами⁵.

Суть этой политики состояла в приоритетном создании инфраструктуры для территориализации и институционализации этничности нерусских этнических групп. В результате к моменту распада СССР на территории союзных республик фактически были институционализированы базовые форматы государственности, однако их специфика заключалась в принципиальной *двухуровневости*, которая выражалась в сочетании советской макрополитической идентичности и этнонациональной идентичности, формируемой политикой позитивной дискриминации.

Политика позитивной дискриминации работала в логике, которую российский исследователь О.В. Кильдюшов (2012) метко обозначил как «этнизация социалистического»: «если для западного Модерна на протяжении последних двух веков характерен процесс, который условно можно назвать «национализацией политического»..., то большевики избрали иной путь, который условно можно назвать «этнизацией социалистического». Реализация советского проекта шла рука об руку с созданием моноэтнических протогосударств для еще не существовавших тогда нерусских наций...» (с. 45).

Вместе с тем, параллельно политике позитивной дискриминации, сформировавшей протогосударственную инфраструктуру нынешних постсоветских политий, шел активный процесс конструирования собственно *советской над-*

³ Подробнее о понятии советского Модерна и дискуссиях вокруг него см. Арнасон, 2021; Дэвид-Фокс, 2020.

⁴ В русскоязычном издании работы Т. Мартина англоязычный термин *affirmative action* переведен как «положительная деятельность». Однако более корректным является использование термина «позитивная дискриминация», делающего акцент на предоставлении преимущественных прав и привилегий ранее дискриминируемым группам (социальным, конфессиональным, этническим и др.).

⁵ Разбор историографии вопроса см. Рябова, 2019.

этнической идентичности, которая ориентировалась на интеграцию полиэтнического пространства в макрополитический субъект⁶. Данный процесс был составной частью революционной динамики советского Модерна и Второй мировой войны, по результатам которой Советский Союз получил статус мировой сверхдержавы. Как показывают многочисленные исследования послевоенной советской культуры, именно период позднего сталинизма (1945–1953 гг.) можно рассматривать как фазу кристаллизации и стабилизации важнейших мифов и ритуалов идентичности, среди которых Победа в Великой Отечественной войне выступала исторически вторым мифом основания советской нации, в перспективе вытеснившим революционную эсхатологию первого советского мифа основания Октября 1917 г.⁷

Если обратить внимание на сам механизм реализации советского формата национальной политики в рамках описанной выше логики двухуровневости, то необходимо отметить, что в его основе, как подчеркивает В.Л. Заславский (2019), лежала стратегия *институционального изоморфизма* (с. 357). Институциональный изоморфизм предполагал внедрение типового набора институтов и организаций, структурирующих политическую, культурную, научную и образовательную сферы союзных республик, от республиканских ЦК партий и министерств до академий наук и разнообразных творческих союзов интеллигенции, независимо от исторической, культурной или географической специфики самих территорий. Отмечая, что основным результатом советской национальной политики стало ускорение процессов формирования наций внутри СССР, В.Л. Заславский выделил три основные предпосылки для независимого существования советских республик, ставших результатом реализации этой политики: «(1) собственные административно-обозначенные территории, населенные представителями титульных национальностей, (2) собственные политические элиты и образованный средний класс и (3) непрерывная традиция создания культурных ценностей на местных языках» (с. 362).

Очевидно, что данный институциональный изоморфизм, будучи переведенным в формат конкретных политико-управленческих решений и практик неизбежно контекстуализировался. В итоге заданный «сверху» из Центра дизайн на периферии приобретал локальные варианты, которые выражались в том, что советские национальности существенно отличались друг от друга по целому ряду параметров, от экономического неравенства территорий, демографической динамики, характера урбанизации вплоть до масштабов показателей массовой грамотности, распространения русского языка и характеристик политической культуры. Иными словами, «не будет преувеличением сравнить Советский Союз с государством, в котором объединились Норвегия и Пакистан» (Заславский, с. 372). Однако делая акцент на советской логике институционального изоморфизма, необходимо подчеркнуть специфический статус РСФСР, будущей Российской Федерации, административно-территориальное деление которой в составе 88 регионов стабилизировалось только после смерти Сталина в 1957 г.

⁶ В советском идеологическом дискурсе конструируемая надэтническая идентичность обозначалась как новая историческая общность – советский народ.

⁷ Подробнее см. Добренко, 2020, с. 7–226. Там же представлена библиография вопроса.

и просуществовало в неизменном виде до распада СССР. С одной стороны, республика внутри формировалась на основе политики позитивной дискриминации. В ее состав входили 16 автономных ССР, 6 краев, 49 областей, 5 автономных областей (все входили в состав краев), 10 автономных (до 1978 г. – национальных) округов и два города республиканского подчинения (Кынев, 2020, с. 17). С другой стороны, этот субъект не имел ключевых атрибутов, институционально изоморфных другим союзным республикам, в первую очередь собственных партийных и правительственных структур, республиканской Академии наук и пр. Этот факт во многом предопределил набор и динамику политических и идеологических конфликтов в условиях распада СССР и становления современной российской государственности⁸.

Таким образом, статус советского наследия можно рассматривать как в институциональном, так и в символическом плане. Если в первом случае перед нами сформированная в ходе коммунистической модернизации совокупность различных институтов, присвоение ресурсов которых определило логику поведения постсоветских элит, сформировав для них соответствующий инфраструктурный базис, то во втором случае – это двухуровневая иерархия культурных текстов и артефактов, с одной стороны, направленных на создание и воспроизводство советской надэтнической идентичности, а с другой стороны, сформированных в логике и по результатам политики позитивной дискриминации. Эти последние представляли собой очень разнообразный спектр, куда входили как по-советски «изобретенные традиции» и пантеоны разнообразных национальных «классиков» с их обязательными для изучения литературными, музыкальными и иными произведениями, так и отшлифованные при помощи советской этнографии, статистики, демографии и лингвистики системы категоризаций и классификаций (Кадио, 2010), напрямую использовавшихся в процессах конструирования идентичности и формирования архивов и корпусов исторических событий, «мест памяти» и легитимных исторических сюжетов.

Усилия в области производства легитимных символических классификаций играли важнейшую роль в реализации проекта советского Модерна, поскольку, чтобы формировать идентичности, генеалогии и исторические нарративы, а также коллективные представления о прошлом и настоящем, нужно иметь сформированные категории классификации социальной реальности. А. Блум и М. Меспуле (2008) подчеркивают, что «производство статистических данных не является формальным выражением государственности, оно само творит реальности. Классификация по национальному или профессиональному признаку, например, это – инструмент работы статистики с социальной сферой, сконструированные им категории, которые затем принимаются социальными акторами за свои собственные. Используя их, индивиды приходят к тому, что начинают манипулировать ими как готовыми клише для прочтения и истолкования своего окружения. Тогда категории имеют тенденцию уже не оставаться

⁸ В связи с этим стоит обратить внимание на концепцию распада СССР, предложенную Г. Хейлом. Его главный тезис заключается в том, что крушение советской государственности определялось наличием ядерного этнического региона в общей структуре советского этнофедерализма, что сформировало комплекс противоречий между Центром и РСФСР, запустивших механизм распада страны (подробнее см. Хейл, 2021).

только представлениями, а становиться фактами, реальностью, допускаемой всеми» (с. 7).

В этой связи стоит отметить тот факт, что в СССР науки, включая общественные, выступали как важнейший двигатель модернизационной динамики, а коммунизм как утопический проект будущего черпал свою легитимность на основе метафор, отсылающих к объективному знанию научных истин. Иными словами, если пользоваться терминологией немецкого историка Ш. Мерля (Merl, 2020), советское социальное было «онаученным»⁹, включая и национальную политику государства (подробнее см. Hirsch, 2005¹⁰). В качестве своего непредсказуемого последствия такая советско-модернистская установка на взаимозависимость дискурсов науки и государства (хотя, отнюдь, не только она¹¹) сформировала среду урбанизированных интеллектуальных групп, встроенных в институциональную рамку политики позитивной дискриминации национальных республик. Наиболее харизматичные, карьерно-ориентированные и удачливые представители этих светских и одновременно советских интеллектуалов уже после распада СССР станут ключевыми мнемоническими акторами и политическими лидерами, которые во многом будут определять дискурсивные форматы символической политики национализирующихся постсоветских государств¹².

⁹ Ш. Мерль употребляет термин «онаучивание социального» (англ. *the scientization of the social*, нем. *die Verwissenschaftlichung des Sozialen*), понимая под ним характерный для эпохи Модерна процесс использования социальных наук в целях реализации государственных политик, направленных на формирование более совершенных и рациональных форм общественной жизни. Подробнее о проблематике «онаучивания социального» см. Brückweh et al., 2012; Raphael, 2018.

¹⁰ В данной работе Ф. Хирш предлагает рассматривать СССР как *Scientific State*, в том смысле что, советское государство непосредственно опиралось на ресурсы социальных наук в своей политике строительства нового коммунистического общества в условиях этнического разнообразия и неравенства, унаследованного от Российской империи. В той же перспективе рассматривают становление советской статистики А. Блюм и М. Меспуле (2008), утверждая, что СССР превратил использование чисел в важнейшее основание своей политической аргументации, поскольку «легитимность большевистского государства как *государства научного* (курсив наш – Д.Б. и С.К.) основывалась на утверждении о научном характере принимаемых решений, исходящих от власти» (с. 7). Комплексное рассмотрение социальной политики довоенного СССР в общем контексте идей и практик современных государств см. Хоффманн, 2018.

¹¹ В данном случае необходимо отметить значимость советской кадровой политики формирования высококвалифицированных специалистов, включая сферу культурного производства и науки.

¹² За пределами Российской Федерации, в которой идеологически доминировали демократы, с характерной для них экономической мифологией капитализма, заложившей основы будущего триумфа неолiberaлизма, «в других странах, где больше играли роль идеи национального возрождения, на первый план выходят гуманитарии и представители творческой интеллигенции: в Литве музыковед Ландсбергис, в Таджикистане кинорежиссер Худоназаров, в Узбекистане поэт Солих. Кавказ же в этот период – «царство филологов» (Эльчибей в Азербайджане, Тер-Петросян в Армении, Гамсахурдиа в Грузии, Ардзинба в Абхазии)» (Фурман, 2010, с. 42).

Таким образом, сам феномен национализирующегося государства¹³ на пространстве бывшего СССР имеет смысл рассматривать не как стабильный курс акторов с высокой степенью институционализации, а как процесс конструирования национальной идентичности в тех условиях, когда сам институт государства находился в ситуации инфраструктурной слабости и тотальной дезорганизации своих ключевых монополий. Фактически создавать приходилось не только идентичность, но и сами институты государства, и эти два процесса носили и носят асинхронный и несогласованный друг с другом характер.

Список литературы

1. Арнасон, Й. (2021). *Цивилизационные паттерны и исторические процессы*. М.: Новое литературное обозрение.
2. Бек, У. (2000) *Общество риска. На пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция.
3. Блюм, А., Меспуле, М. (2008). *Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине*. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина.
4. Дерлугьян, Г. (2010). *Адепт Бурдьё на Кавказе: Эскизы к биографии в миросистемной перспективе*. М.: Территория будущего.
5. Добренко, Е. А. (2020). *Поздний сталинизм: эстетика политики* (Т. 1). М.: Новое литературное обозрение.
6. Дэвид-Фокс, М. (2020). *Пересекая границы: модернность, идеология и культура в России и Советском Союзе*. М.: Новое литературное обозрение.
7. Заславский, В. Л. (2019). *От неосталинского государства до постсоветской России (1970–2000)*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.
8. Кадио, Ж. (2010). *Лаборатория империи: Россия/СССР. 1860–1940*. М.: Новое литературное обозрение.
9. Кильдюшов, О. В. (2012). Этнизация социалистического. Заметки о национальной политике в СССР. *Вопросы национализма*, (4), 45–56.
10. Кынев, А. В. (2020). *Губернаторы в России: между выборами и назначениями*. М.: Фонд «Либеральная миссия».
11. Манн, М. (2018). Автономная власть государства: истоки, механизмы и результаты. *Неприкосновенный запас*, (2), 3–33.
12. Мартин, Т. (2011). *Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939*. М.: РОССПЭН.
13. Рогов, К. (Ред.). (2021). *Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя*. М.: Новое литературное обозрение.

¹³ Под национализирующимся государством понимается государство, еще не ставшее национальным, но пытающееся сделать свою государственность собственностью нации, номинально являющейся государствообразующей. Основная задача такого государства – достижение этнокультурной гомогенности (Vrubaker, 1996, p. 63). Достижение этой цели сопровождается ростом экстремизма и дискриминации меньшинств по этнокультурному принципу.

14. Рябова, Л.К. (2019). Позитивная дискриминация в этнополитике: постановка проблемы в современной историографии. *Новейшая история России*, 9(2), 536–548. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.215>
15. Силаев, Н.Ю., Болгова, И.В. (2019). Напрасные войны: Работает ли модель Тилли на постсоветском пространстве? *Сравнительная политика*, 10(4), 133–154. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10047>
16. Тилли, Ч. (2009). *Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг.* М.: Территория будущего.
17. Фурман, Д.Е. (2010). *Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем.* М.: Весь Мир.
18. Хейл, Г. (2021). Дизайн советского этнофедерализма, его последствия и долгое эхо. В К. Рогов (Ред.), *Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя* (с. 390–414). М.: Новое литературное обозрение.
19. Хоффманн, Д.Л. (2018). *Взращивание масс. Модерное государство и советский социализм. 1914–1939.* М.: Новое литературное обозрение.
20. Brubaker, R. (1996). *Nationalism reframed: Nationhood and the national question in the New Europe.* Cambridge: Cambridge University Press.
21. Brückweh, K., Schumann, D., Wetzell, R. F., & Ziemann, B. (Eds.). (2012). *Engineering society. The role of the human and social sciences in modern societies, 1880–1980.* Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan.
22. Ganev, V.I. (2005). Post-communism as an episode of State building: A reversed Tillyan perspective. *Communist and Post-Communist Studies*, 38(4), 425–445.
23. Hale, H. E. (2015). *Patronal politics. Eurasian regime dynamics in comparative perspective.* Cambridge: Cambridge University Press.
24. Hirsch, F. (2005). *Empire of nations: Ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union.* Ithaca: Cornell University Press.
25. Merl, S. (2020). Modernity and the failure to maintain the peace (1918–1938): Comparing the cases of the Soviet Union and the German Reich. *Мир России*, 29(1), 103–131. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-1-103-131>
26. Raphael, L. (2018). *Ordnungsmuster und Deutungskämpfe. Wissenschaftspraxis in Europa des 20. Jahrhunderts.* Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

References

1. Arnason, J., (2021) *Civilizacionnye patterny i istoricheskie processy* [Civilizational patterns and civilizing processes]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Beck, U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modern* [The risk society: Towards a new modernity]. Moscow: Progress-Tradiciya.
3. Blum, A., & Mespoulet, M. (2008). *Byurokraticheskaya anarxiya: statistika i vlast' pri Staline* [Bureaucratic anarchy: Statistics and power under Stalin]. Moscow: ROSSPEN; Fond Pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'cina.
4. Brubaker, R. (1996). *Nationalism reframed: Nationhood and the national question in the New Europe.* Cambridge: Cambridge University Press.

5. Brückweh, K., Schumann, D., Wetzell, R. F., & Ziemann, B. (Eds.). (2012). *Engineering society. The role of the human and social sciences in modern societies, 1880–1980*. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan.
6. Cadiot, J. (2010). *Laboratoriya imperii: Rossiya/SSSR. 1860–1940* [Empire lab: Russia/USSR. 1860–1940]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
7. David-Fox, M. (2020) *Peresekaya granicy: modernost', ideologiya i kul'tura v Rossii i Sovetskom Soyuze* [Crossing borders: Modernity, ideology, and culture in Russia and the Soviet Union]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
8. Derluguian, G. (2010). *Adept Burd'e na Kavkaze: E'skizy k biografii v mirosistemnoj perspektive* [Bourdieu's adept in the Caucasus: Sketches for a biography in a world-system perspective]. Moscow: Territoriya budushhego.
9. Dobrenko, E. A. (2020). *Pozdnij stalinizm: Estetika politiki* [Late Stalinism: The aesthetics of politics] (Vol. 1). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
10. Furman, D. E. (2010). *Dvizhenie po spirali. Politicheskaya sistema Rossii v ryadu drugix sistem* [The movement of the spiral. The political system of Russia among other systems]. Moscow: Ves' Mir.
11. Ganey, V. I. (2005). Post-communism as an episode of State building: A reversed Tillyan perspective. *Communist and Post-Communist Studies*, 38(4), 425–445.
12. Hale, H. (2021). Dizajn sovetskogo e'tnofederalizma, ego posledstviya i dolgoe e'xo [The design of Soviet ethnofederalism, its consequences and a long echo]. In Rogov K. (Ed.), *Demontazh kommunizma. Tridcat' let* (pp. 390–414). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
13. Hale, H. E. (2015). *Patronal politics. Eurasian regime dynamics in comparative perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Hirsch, F. (2005). *Empire of nations: Ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union*. Ithaca: Cornell University Press.
15. Hoffmann, D. L. (2018). *Vzrashchivanie mass. Modernoe gosudarstvo i sovetskij socializm. 1914–1939* [Cultivating the masses. Modern State practices and Soviet socialism. 1914–1939]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
16. Kildyushov, O. V. (2012). Etnizaciya socialisticheskogo. Zametki o nacional'noj politike v SSSR [Ethnization of the socialist. Notes on national politics in the USSR]. *Voprosy nacionalizma*, (4), 45–56.
17. Kynev, A. V. (2020). *Gubernatory v Rossii: mezhdu vyborami i naznacheniyami* [Governors in Russia: Between elections and appointments]. Moscow: Fond "Liberal'naya missiya".
18. Mann, M. (2018). Avtonomnaya vlast' gosudarstva: istoki, mexanizmy i rezul'taty [The autonomous power of the State: Its origins, mechanisms and results]. *Neprikosnovennyj zapas*, (2), 3–33.
19. Martin, T. (2011). *Imperiya "polozhitel'noj deyatel'nosti"*. *Nacii i nacionalizm v SSSR, 1923–1939* [The empire of "positive activity". Nation and nationalism in the USSR, 1923–1939]. Moscow: ROSSPEN.
20. Merl, S. (2020). Modernity and the failure to maintain the peace (1918–1938): Comparing the cases of the Soviet Union and the German Reich. *Mir Rossii*, 29(1), 103–131. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-1-103-131>
21. Raphael, L. (2018). *Ordnungsmuster und Deutungskämpfe. Wissenschaftspraxis in Europa des 20. Jahrhunderts*. Göttingen: Vandenhoeck

& Ruprecht.

22. Rogov, K. (Ed.). (2021). *Demontazh kommunizma. Tridcat' let spustya* [Dismantling of Communism. Thirty years later]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

23. Ryabova, L.K. (2019). Pozitivnaya diskriminaciya v etnopolitike: postanovka problemy v sovremennoj istoriografii [“Positive discrimination” in the ethnopolitics as a problem in modern historiography]. *Novejshaya istoriya Rossii*, 9(2), 536–548. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.215>

24. Silaev, N. Yu., & Bolgova, I.V. (2019). Naprasnye vojny: Rabotaet li model' Tilly na postsovetskom prostranstve? [Vain wars: can the Tilly's model explain transformations on the post-Soviet space?]. *Sravnitel'naya politika*, 10(4), 133–154. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10047>

25. Tilly, Ch. (2009). *Prinuzhdenie, kapital i evropejskie gosudarstva. 990–1992 gg.* [Coercion, capital, and European States, AD 990–1992]. Moscow: Territoriya budushchego.

26. Zaslavsky, V.L. (2019). *Ot neostalinskogo gosudarstva do postsovetskoj Rossii (1970–2000)* [From the neo-Stalinist state to post-Soviet Russia (1970–2000)]. Saint Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

Информация об авторах

Дмитрий Владимирович Березняков, кандидат политических наук, доцент кафедры социальной философии и политологии, Институт философии и права Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6040-4945>, e-mail: bereznyakov@ngs.ru

Сергей Васильевич Козлов, кандидат исторических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций, Гуманитарный институт Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6784-8992>, e-mail: feld71@mail.ru

Information about the authors

Dmitry Vladimirovich Bereznyakov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Social Philosophy and Political Sciences, Institute for Philosophy and Law, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6040-4945>, e-mail: bereznyakov@ngs.ru

Sergey Vasilyevich Kozlov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Mass Communications, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6784-8992>, e-mail: feld71@mail.ru
